

© В. В. Бубликов

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКО-УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

Ключевые слова: множественная этноидентичность, русско-украинская идентичность, биэтничность, Белгородская обл., русские, украинцы

В статье рассматривается явление множественной русско-украинской идентичности части населения приграничных с Украиной районов России (на примере Белгородской обл.). Формирование русско-украинской идентичности стало следствием процессов ассимиляции украинского (в просторечии “хохлацкого”) населения и раздвоения его идентичности на гражданскую (по стране проживания) и собственно этническую в период после 1930-х годов. В последние десятилетия основным источником пополнения группы русско-украинских жителей стали также межэтнические браки и приток мигрантов. Авторское этносоциологическое исследование 2018 г. показывает, что в приграничных районах Белгородской обл. смешанную русско-украинскую идентичность имеют 23% жителей, а русские и украинские сегменты идентичности по-разному проявляются в контактных группах и самосознании респондентов.

Множественная этноидентичность как объект исследования. Традиционные взгляды на природу этнической идентичности, нашедшие свое развитие в примордиалистском подходе, в последнее время уступают свои позиции более плюралистическим представлениям о сути “этноса” и “этничности”. В советский период этнос (национальность) официально трактовался как некое почти “монолитное” сообщество людей с общими этнокультурными признаками. Графа “национальность” присутствовала почти во всех документах советских граждан и воспринималась большинством из них как своего рода “метрическая мерка”, данная при рождении, смена которой, как минимум, неестественна. Как замечает В.В. Степанов, «в советские годы для многих отечественных этнологов, социологов, психологов были только русские, украинцы, татары, евреи и иные однозначные самоидентификации и никого “между ними”, а для статорганов и паспортных столов — двойная национальность вообще казалась абсурдом» (Тишков, Степанов 2018: 70).

Василий Валерьевич Бубликов | <http://orcid.org/0000-0001-5899-1028> | v.bublikov@mail.ru | к. соц. н., доцент | Белгородский государственный национальный исследовательский университет (ул. Победы 85, Белгород, 308015, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261>, и Правительство Белгородской области [проект № 18-411-310006]

Большинство современных этнологов исходит из представления о сложности, многогранности явления этнической идентичности, в т.ч. и возможности наличия множественной идентичности, прежде всего у лиц смешанного этнического происхождения. “Легитимации” феномена множественной этноидентичности способствуют и объективные процессы трансформации современного общества: благодаря активизации миграции, урбанизации, распространению смешанных браков и прочим факторам увеличивается число людей, одновременно относящих себя к нескольким (порой даже более чем двум) этническим общностям.

Тем не менее в современной России, где по оценке В.В. Степанова двойную этническую идентичность имеют 10–15% жителей (Там же: 68), концептуальное представление о возможности одновременной принадлежности человека к нескольким этническим группам пока находит немало противников, причем прежде всего не в научной среде, а в более широких общественно-политических кругах (поборников “этнического единства” и т.д.). Экспертное же сообщество все активнее призывает изменить существующие подходы в сфере сбора статистических сведений об этническом (в терминологии переписей “национальном”) составе населения. Например, В.А. Тишков рекомендует: “В переписи 2020 года следует уточнить процедуру определения и подсчета этнической идентичности граждан Российской Федерации, предоставив каждому свободно указывать этническую идентичность, а органы статистики обязать вести подсчет не только единичной, но также и смешанной этнической идентичности” (Там же: 68).

В последние годы интерес к феномену множественной этноидентичности у отечественных этнологов и социологов растет. Уже появились комплексные исследования смешанной идентичности российских немцев (*Курске* 2011) и евреев (*Штейн* 2005). По нашему мнению, не меньший интерес представляет и идентичность русско-украинского населения, которое благодаря активному участию украинцев в колонизации и заселении обширных территорий России в XVII–XX вв. присутствует ныне в тех или иных масштабах в большинстве регионов РФ, как говорится — от Калининграда до Владивостока. Однако, по всей видимости, наибольшее распространение явление множественной русско-украинской идентичности в современной России имеет на территориях, граничащих с Украиной (Брянской, Курской, Белгородской, Воронежской, Ростовской областях, на Кубани), и в “северных” промышленно-сырьевых регионах (Тюменская обл., Респ. Коми, Мурманская обл., Чукотка, Камчатка и др.).

Изучение русско-украинского этнокультурного синтеза в регионах совместного освоения и проживания (т.е. в зоне современного российско-украинского пограничья) началось отечественными этнографами еще в XIX в., когда был собран обширный материал, характеризующий взаимоотношения и культурное влияние друг на друга двух этносов.

В советское время после всплеска интереса к “национальному вопросу” в период коренизации 1920 — начала 1930-х годов в дальнейшем изучение русско-украинских межэтнических взаимоотношений в приграничных регионах двух республик надолго попало в разряд “нежелательных”, вплоть до перестройки, когда в 1988 г. в свет вышла монография Л.Н. Чижиковой, зафиксировавшая особенности идентичности уже в значительной степени смешанного русско-украинского населения (*Чижикова* 1988).

И дореволюционные, и советские ученые, анализировавшие взаимодействие и смешение двух этнических групп, рассматривали этот процесс как явление асимилиации, т.е. как некий переходный этап трансформации украинского (малороссийского, “хохлацкого”) населения в русское. Однако ряд современных российских исследователей исходит из представления о самобытности и устойчивости этнокультурных признаков у смешанного населения, проживающего на обширных

территориях российско-украинского приграничья. Так, например, С.Я. Суший считает, что:

...на Юге России, где самая значительная часть населения представлена двумя близкими национальными сообществами (русскими и украинцами), а также их многочисленным смешанным потомством, лобовой вопрос об этнической принадлежности не позволяет установить реальную этнодемографическую картину. В таких регионах “смешанную” биэтническую группу населения следовало бы выделять в качестве самостоятельной этнокультурной группы (Цит. по: Дроздов 2016: 66).

К аналогичному выводу приходит и Н.В. Проскурина, которая, описывая этнические процессы на территории Воронежской обл., констатирует: «Результатом длительного русско-украинского симбиоза <...> можно считать образование самостоятельной субэтнической группы — “хохлов”, для которой “характерно наличие своего языка, стереотипа поведения, ментальности, культуры” (Проскурина 2017: 97–98).

Таким образом, некоторые современные этнологи и этносоциологи видят группу смешанного русско-украинского населения в приграничных с Украиной регионах России концептуально по-иному: не как украинскую по происхождению часть современного русского этноса, имеющую некоторые культурные особенности (Висоцкий 2012), а как отдельную субэтническую группу или даже этнос. В такой парадигме жители с биэтнической русско-украинской идентичностью являются не переходной группой на завершающем этапе ассимиляционного процесса, а самостоятельной этнокультурной единицей с устойчивыми культурными особенностями и признаками, включающими даже язык (“суржик”). В пользу такой трактовки явления русско-украинской идентичности говорят как полученные нами социологические данные (рассмотренные ниже), так и то, что схожие явления смешения русской и украинской этнокультур и идентичностей в значительной степени наблюдаются и по ту сторону границы, на Украине (Маховская 2013).

Исторический контекст возникновения феномена русско-украинской идентичности (на примере Белгородской обл.). Территория современной Белгородской обл. является частью более крупного исторического региона Слобожанщина, включающего в себя также части соседних областей России (Курской и Воронежской)¹ и Украины (Сумской, Харьковской, Луганской). Ключевой особенностью освоения северной Слобожанщины в XVII–XVIII вв. стало то, что сюда проникали два примерно равных количественно потока: русский — шедший с севера, из регионов современной Центральной России, и украинский — прибывавший с запада, с территории Поднепровья и правобережных регионов Украины.

Заселив к концу XVIII в. обширный регион современного российско-украинского приграничья, русское и украинское население Слобожанщины, несмотря на тесное хозяйственное взаимодействие, сохраняло как свои культурные, языковые, хозяйственно-бытовые различия, так и идентичность, которая выражалась чаще не в этнонимах “русский” и “украинец”, а в терминах, устойчиво употреблявшихся вплоть до второй половины XX в., — “москаль”, “хохлы”², реже — в иных этнонимах (черкасы, кацапы и др.) и названиях субэтнических групп (горюны, саяны, цуканы, мамоны и др.).

В XIX в. начинает проявляться и взаимное культурное влияние, выражавшееся прежде всего в заимствовании друг у друга хозяйственно-бытовых практик, а также слов, выражений и других языковых особенностей. Тем не менее подчеркнем, этот процесс отнюдь не означал ассимиляцию украинцев (что произошло позднее — во второй половине XX в.). Как отмечают А.И. Дудка и И.Г. Оноприенко, “стремясь сохранить свои традиции и передать свой культурный опыт следующим поколениям соотечественников, они (русские и украинцы. — В.Б.) стремились заключать браки

внутри своих этнических групп <...>. Отсутствие межнациональных браков способствовало сохранению особенностей языка и русской и украинской бытовой культуры” (*Дудка, Оноприенко* 2011: 141–142). Даже в случае заключения этнически смешанного брака ассимиляции подвергалась практически всегда женщина, вне зависимости от ее национальности: “Если наша (русская. — *В.Б.*) женщина выходит замуж в украинское село, она перенимает их разговор и обычаи” (*Чижикова* 1988: 51).

Более того, многие этнографы, современники описываемых процессов, отмечали, что большей трансформации подвергалось “великорусское”, нежели “малороссийское”, население, которое сохраняло культурное единство с “поднепровскими своими братьями” (*Артемьев* 1868: 50–51). Исследуя материальную культуру русского и украинского населения, к аналогичному выводу приходит и Л.Н. Чижикова: “В XIX — начале XX в. в развитии украинской одежды и жилища сравнительно меньше сказалось влияние этнической неоднородности населения, чем на формировании культуры русского населения” (*Чижикова* 1988: 65).

Однако украинское население, особенно в крупных торгово-промышленных центрах, также испытывало культурное воздействие, но оно носило, используя современную терминологию, общегражданский, даже общеевропейский (а не этнический) характер. Вот как описывает этнограф в очерке 1885 г. восприятие зажиточными украинцами (малороссами) новых веяний городской, европейской цивилизации, которая в столице и других крупных центрах приобретала “русскость”, а потом проникала в провинциальную глубинку:

Торгаш-хохол значительно обрусел. Обрусел он все-таки не по здешнему, а по общерусскому образцу. Он, можно сказать обрусел, но не обмосковился <...>. Он ничего общего не имеет со своим великорусским сопосельником пахарем; он говорит языком русским, но не языком своего соседа, наречие которого он передразнивает; он не брачится с великороссами, между ними есть какой-то особый антагонизм. Он вообще на пути к такому обрусению, какому подпали мы люди книжные <...>. Слободской-сельский строй жизни переходит в мещанский..., в купеческий и даже совершенно европейский — цивилизованный (*П-ский* 1885: 633, 645).

Впрочем, жителей таких крупных слобод и городов было немного: среди малороссов Воронежской и Курской губерний в конце XIX в. они составляли всего 4,2%.

В то же время, как отмечали некоторые авторы — современники периода формирования российско-украинской границы в 1918–1919 гг., уже в начале XX в. “в Курской губернии многовековое мирное сожительство великороссов и украинцев привело к образованию многочисленных этнических групп среднего переходного типа, который по языку и своему характеру гораздо более близок к Харьковскому украинцу, чем к Орловскому великороссу” (Цит. по: *Дроздов* 2016: 94). Следовательно, этнокультурные процессы в период царской России были не столь однозначны, трансформации этнокультурных особенностей и, по всей видимости, идентичности подвергалось не только малороссийское/украинское население, но и этнически русское, а говорить о линейном процессе ассимиляции украинцев не совсем корректно.

По данным переписи 1897 г. на территории современной Белгородской обл. жители с родным “великорусским” языком составляли 55,9%, с “малорусским” — 43,7% (Рис. 1). Примечательно, что при относительно равной численности обоих этносов традиционная география расселения русских и украинцев, сформировавшаяся еще в XVII–XVIII вв., сохранялась и в конце XIX в.: первые преобладали в северной части региона, вторые — в южной. Населенные пункты, особенно сельские, сохраняли этническую специфику, что отмечалось и при сборе статистических сведений.

Бурные события XX столетия отразились и на этническом составе населения Белгородчины, точнее, на его “официальной” (зафиксированной в документах

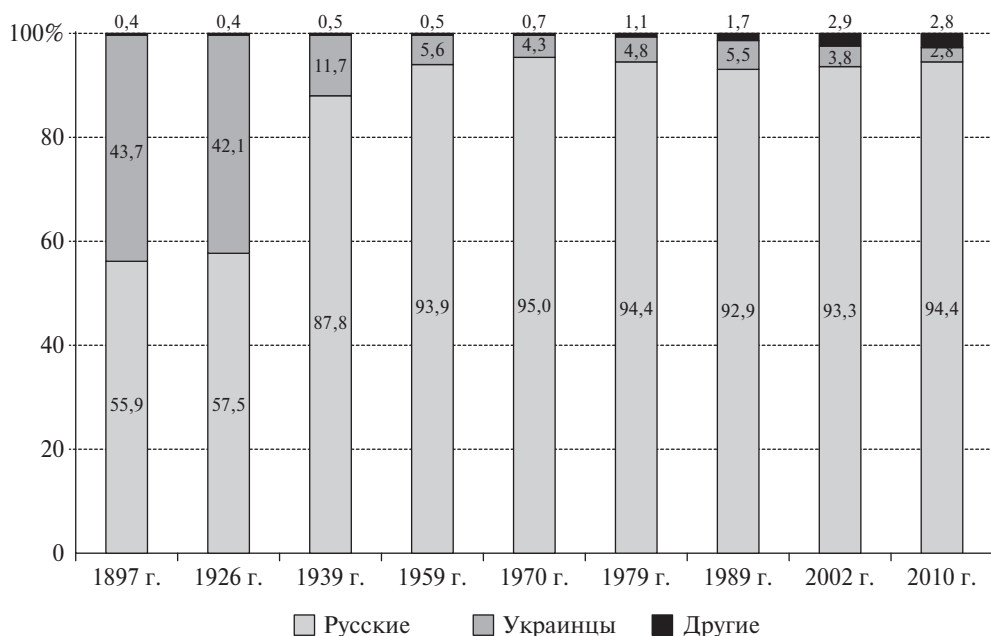

Рис. 1. Относительная численность основных этнических групп на территории Белгородской обл. по данным переписей населения 1897–2010 гг. (рассчитано по: Всесоюзная перепись 1928, Демоскоп Weekly).

Данные за 1897 г. основаны на расчете численности языковых групп по уездам, большая часть территории которых ныне входит в состав Белгородской обл.; аналогично данные национального состава по переписи 1926 г. рассчитаны по волостям.

и при переписях населения) идентичности. Революционная эпоха 1910–1920-х годов, сопровождавшаяся всплеском национального самосознания окраинных народов бывшей империи, среди которых ключевое место занимали украинцы, в первое десятилетие советской власти порождает попытку построения плюралистичной модели национальной политики, получившей название “коренизация”.

При этом не совсем верно трактовать коренизацию (в реалиях российских регионов Центрального Черноземья — “украинизацию”) как изначальную идеологическую установку большевиков, поскольку “первая волна украинизации началась здесь сразу после победы Февральской революции и в период образования независимой Украины в конце 1917–1918 г.” (Дроздов 2016: 86), т.е. до установления их власти. По мнению К.С. Дроздова, “политика коренизации стала ответом большевистского руководства на вызов национального движения первой четверти XX столетия”, а “главные причины, заставившие большевиков перейти к активной поддержке политики украинизации в РСФСР, заключались в необходимости перехватить инициативу из рук украинских националистов <...> и поставить под жесткий партийно-идеологический контроль стихийную <...> культурно-просветительскую работу» (Там же: 118, 166).

За период 1923–1933 гг. в Центральном Черноземье, в первую очередь на территории современной Белгородской и юге Воронежской обл., в районах с преобладающим украинским населением была создана сеть украиноязычных школ и профессиональных учебных заведений, появились пресса и делопроизводство на украинском языке. Были предприняты многочисленные безуспешные попытки пересмотра границ между РСФСР и УССР по “этнографическому принципу”, в соответствии

с которым в состав Украины вошли бы районы, населенные преимущественно украинцами. Как считает К.С. Дроздов, “политика украинизации должна была погасить недовольство среди той части украинцев, которая была не удовлетворена результатами территориального размежевания и продолжала настаивать на передаче данных территорий Украине” (Дроздов 2016: 210).

Но в 1933 г. модель национальной политики на территории РСФСР была резко пересмотрена, с 1 января 1933 г. система государственного управления, образование, пресса и прочие институты были переведены на русский язык, а бывшие “украинизаторы” подверглись репрессиям. Все эти события не могли не отразиться на официальной идентичности населения, которая в тот период фиксировалась почти во всех документах. Как считает Н.В. Проскурина, «всеобщее введение паспортов в 30-е годы XX века и обязательное заполнение графы “национальность” привели к “престижности” быть русским <...>. Многие взрослые украинцы, чтобы “открыть” возможность получения образования, карьерного роста своим детям, стали записывать их русскими» (Проскурина 2017: 97).

Вот как описывает одну из революционных моделей трансформации идентичности украинского (малороссийского) населения России К.С. Дроздов:

В период царской России и после прекращения политики украинизации в РСФСР в середине 1930-х гг. трансформация (идентичности. — В.Б.) проходила на основе целенаправленной политики русификации и деукраинизации: запреты/ограничения на развитие украинского языка, открытие украинских школ, техникумов, вузов (школа только на русском языке); государственная и военная служба с делопроизводством на русском языке; борьба с украинской национальной интеллигенцией, репрессии против “мазепинцев”, “сепаратистов”, “петлюровцев” (Дроздов 2016: 76).

Статистические данные переписей населения свидетельствуют, что до 1930-х годов сколь-нибудь значительных колебаний соотношения двух основных этнических групп на Белгородчине не происходило: в 1926 г. доля русских жителей составляла 57,5%, украинских — 42,1%, т.е. примерно столько же, сколько и в 1897 г.³ Но после голода 1932–1933 гг. и жесткого свертывания практики коренизации переписи 1937 и 1939 гг. показали многократное сокращение численности тех, кто называл себя украинцами. К 1939 г. на территории Белгородской обл. доля русского населения возросла до 87,8%, а украинского сократилась до 11,7% (Рис. 1).

Вместе с тем реальная этническая идентичность “бывших украинцев”, сохранявших в быту и родной язык, и культурные особенности, тем более после десятилетия украинизации, не могла измениться так быстро. Как пишет по этому поводу С.Я. Суций:

Мощная украинская социоэтнокультурная проекция, отбрасываемая на те или иные сферы жизни местных социумов, не могла сократиться многократно на столь коротком временном отрезке. Ее нисходящая динамика была куда более плавной, чем результаты переписи. Ошутимое присутствие украинского начала в жизнедеятельности южнороссийских регионов отчетливо просматривалось еще многие десятилетия (а в некоторых аспектах социальной повседневности оно остается очевидным и в настоящее время) (Суций 2017: 67).

Полевые исследования послевоенных десятилетий фиксируют устойчивое сохранение значительного пласта украинской народной культуры у жителей украинского происхождения (а как показывает наше исследование — даже и у части лиц русского происхождения), которые в документах уже называли себя русскими.

Иначе говоря, после 1933 г.⁴ у населения с украинскими корнями происходит некое раздвоение этнонациональной идентичности на “официальную” русскую, воспринимаемую большинством как принадлежность к российскому государству⁵

и определенная декларация политической лояльности (т.е. собственно *национальную* — в западном смысле этого термина), и украинскую (в просторечии часто “хохлацкую”), которая продолжает воспроизводиться в семейно-родственно-соседской среде (т.е. идентичность собственно *этническую*). Добавим также, что сами жители, как правило, не оперируют такими академическими понятиями, как гражданская, национальная или этническая идентичности. Да и само определение “этничности” как “национальности” в анкетах переписей населения и документах сбивает с толку даже рефлексирующих на эти темы людей.

По сути, к аналогичному выводу приходит и Т.А. Листова, которая отмечает, что в восприятии лиц украинского происхождения “термин русские приобретает значение скорее гражданской, нежели этнической принадлежности, хотя сами наши собеседники такого разделения не проводят” (Листова 2016: 84). Также Т.А. Листова по результатам полевых исследований 2014 г. приводит множество примеров оценки этнонациональной идентичности жителями южных районов соседней для Белгородчины Воронежской обл.: “Здесь все гражданство приняли, так все стали русскими. И азербайджанцы приезжают, они тоже скажут, что они русские”; на вопрос “Они себя хохлами или украинцами называют?” респондент отвечает: “Хохлы, конечно, как можно в России считаться украинцами!” (Листова 2014: 124). Примечательно, что этноним “русские” распространяется как символ гражданской принадлежности не только на культурно близкое украинское население, но и на представителей иных народов (как в вышеприведенном примере с азербайджанцами).

Данная ситуация характерна не только для российских регионов, находящихся на границе с Украиной, но и для российско-белорусского приграничья. Как отмечает Р.А. Григорьева, “этническая идентичность на изучаемом пространстве связывается в большей мере не с этническими характеристиками, а с государственной принадлежностью, с гражданством” (Григорьева 2012: 22).

Сращивание в общественном сознании этнонима “русский” с гражданской принадлежностью и страной проживания происходило постепенно, в исследуемом регионе, как показано выше, — еще с 1930-х годов; однако этот синкретизм усилился после распада СССР, когда Российская Федерация стала восприниматься большинством населения как национальное государство, особенно на контрасте с внешне подчеркнуто интернациональным Советским Союзом. Подкрепляет данный тезис и ситуация с практически отсутствующим в лексиконе рядовых жителей термина “россиянин”, который так и не вышел за пределы использования (да и то достаточно редкого) в академической и политической сферах.

В такой ситуации смена декларируемой национальной идентичности автохтонным украинским населением Белгородской и Воронежской областей в период между переписями населения 1989–2002 гг. становится логичной. Так, в Ровенском р-не Белгородской обл. (а также в соседних Россошанском, Ольховатском и Подгоренском районах Воронежской обл.) в 1989 г. украинцы составляли большинство — 73% жителей, а всего через 13 лет, в 2002 г., доля украинцев снизилась до 21% (в 2010 г. — до 7%). Таким образом, значительная часть населения этих районов изменила официальную национальную идентичность, вкладывая в это понятие прежде всего гражданское (действительно *национальное*, а не этническое) содержание.

Но несмотря на “окончательную” трансформацию национального (в терминологии переписей) самосознания украинского по происхождению населения приграничных регионов России, украинская составляющая идентичности тем не менее продолжает существовать. Как отмечали по итогам исследования 2012 г. А.А. Гриценко и М.П. Крылов, “элементы украинской культуры продолжают органично входить в региональную идентичность жителей граничащих с Украиной территорий” (Гриценко, Крылов 2012: 135). Здесь можно дискутировать с авторами, куда входят элементы украинской культуры — в региональную или все же в этническую

идентичность, однако их полевые исследования показывают, что на значительной части юга Белгородской обл. (равно как и в приграничных с Украиной районах Курской и Воронежской областей) русские и украинские этнокультурные компоненты в идентичности жителей до сих пор, несмотря на полное отсутствие инфраструктуры поддержания и развития украинской этнической идентичности (школ, СМИ и пр.), находятся в равном соотношении (Там же: 136).

В завершение исторического экскурса отметим, что за последние полвека в Белгородской обл. среди лиц, имеющих множественную русско-украинскую идентичность, все большую долю начинают занимать не потомки автохтонного украинского населения, приобретшие элементы русской (точнее было бы сказать, российской) идентичности вследствие ассимиляции, а мигранты и их дети, а также представители более молодых поколений, для которых русско-украинская идентичность — следствие смешанных браков.

Если еще в первой половине XX в., по свидетельству многочисленных источников, количество смешанных русско-украинских браков было небольшим, то в послевоенные десятилетия идеологические усилия властей и объективные процессы миграции и урбанизации сделали межэтнические браки не просто рядовым, а преобладающим явлением. Например, по данным последней переписи населения 2010 г. 63% мужчин-украинцев, проживающих в Белгородской обл., имеют русских жен, а среди женщин-украинок живут в браке с русскими мужьями 67% (База микроданных). Соответственно, для жителей смешанного этнического происхождения одновременное присутствие в самосознании и русской, и украинской идентичности более естественно, чем для лиц “чисто” украинского происхождения.

Генезис русско-украинской биэтничности и ее распространенность в приграничных районах Белгородской обл. С целью изучения социокультурных особенностей населения с множественной русско-украинской идентичностью в 2018 г. нами было проведено исследование “Особенности идентичности этнически смешанного русско-украинского населения Белгородской обл.” во всех приграничных с Украиной районах области, а также в г. Белгороде (расположенном примерно в 40 км от границы)⁶.

В среднем на исследованных территориях доля лиц, назвавших себя “и русскими, и украинцами одновременно”, составляет 22,7% (500 из 2060 опрошенных). Только русскими себя считают 72,0% жителей, только украинцами — 1,5%, представителями иных национальностей — 2,8%, затруднились определить свою национальность — 1,0%.

В территориальном распределении относительного числа лиц с русско-украинской идентичностью прослеживается определенная закономерность: их доля наиболее высока в районах, исторически имевших большую часть украинского населения, — Ровеньском (49,6%), Борисовском (32,2%), Краснояружском (31,0%). Таким образом, на территории приграничных районов Белгородской обл. можно выделить два “полюса” с высокой численностью людей, имеющих смешанную идентичность: западный (на границе с Сумской и Харьковской областями Украины) с центрами в Красной Яруге и Борисовке и юго-восточный (на границе с Луганской обл.) с центром в Ровеньках (Рис. 2).

В то же время ряд полученных данных нельзя объяснить только историческими особенностями заселения территорий. Так, например, наименьшее число лиц со смешанной русско-украинской идентичностью зафиксировано в Волоконовском р-не (16,8%), притом что менее столетия назад украинцы в этом районе составляли большинство. Напротив, в г. Белгороде и Белгородском р-не доля украинского населения исторически была наименьшей по сравнению со всеми исследуемыми территориями, но ныне по данным опроса число лиц со смешанной идентичностью здесь выше, чем в Волоконовском р-не.

Рис. 2. Численность респондентов со смешанной русско-украинской идентичностью в приграничных муниципальных образованиях Белгородской обл., %

По всей видимости, большую роль в изменении соотношения численности групп с разной идентичностью сыграли миграционные процессы в регионе (как внутренние, так и внешние): переселение значительной части лиц украинского происхождения в областной центр и его пригороды и соответственно рост украинского “элемента” в Белгородской агломерации и, напротив, его снижение в некоторых районах исторического проживания украинцев вследствие “вымывания” автохтонного населения в города и слабого миграционного притока из других регионов России (“северян” украинского происхождения) и с Украины.

По данным опроса большинство респондентов с бизнтийной идентичностью являются жителями городских поселений — 59,2%, соответственно жители сельской местности составляют 40,8%. Среди русских доля горожан выше на 4% (63,0%), а среди украинцев — на 19% (78,6%). То есть в сравнении с моноэтническими представителями региона респонденты, считающие себя и русскими, и украинцами одновременно, чаще являются жителями сельской местности.

Среди опрошенных лиц со смешанной русско-украинской идентичностью 44,4% являются мужчинами, 55,6% — женщинами. Для сравнения: среди “только русских” доля мужчин немного выше — 45,1%, а женщин меньше — 54,9%. Таким образом, множественная идентичность несколько чаще встречается у женщин.

Возрастные группы респондентов со смешанной идентичностью распределяются следующим образом: от 18 до 34 лет (молодежь) — 28,2%, от 35 до 54 лет (средний возраст) — 33,4%, 55 лет и старше (старший возраст) — 38,4%. В этой возрастной структуре немного больше доля пожилых в сравнении с распределением, полученным для лиц, назвавших себя “только русскими” (29,2; 33,9; 36,9% соответственно). Впрочем, эти различия не очень велики и в значительной степени могут объясняться колебаниями в возрастных структурах тех районов (преимущественно сельских), в которых смешанная группа имеет большую часть в общей численности населения.

Таблица 1

**Ответы респондентов основных этнических групп Белгородской обл.
на вопрос: “Как давно вы проживаете в этой местности (регионе)”, %**

Ответ на вопрос: “Кем вы себя считаете по национальности?”	Варианты ответа					
	Проживаю в этой местности с рождения и мои предки тоже отсюда	Проживаю в этой местности не с рождения, но мои родители отсюда	Проживаю в этой местности с рождения, но мои родители приезжие	Приехал из другого региона РФ	Приехал из другой страны	Затруд- няюсь ответить
Только русским/ русской	63,5	5,6	9,1	14,5	6,9	0,3
Только украинцем/ украинкой	7,1	3,6	10,7	7,1	71,4	0,0
И русским(ой), и украинцем(кой) одновременно	54,2	4,8	9,8	12,8	17,8	0,6

В сравнении же с респондентами, назвавшими себя “только украинцами” (молодежь — 25,0%, средний возраст — 32,1%, старший — 42,9%), смешанная русско-украинская группа существенно моложе.

Как показывает распределение ответов на вопрос о миграционных корнях, большая часть респондентов со смешанной идентичностью (59%) является коренными жителями Белгородской обл.: 54,2% родились в регионе, и их предки тоже отсюда (Табл. 1); 4,8% указали, что они проживают в этой местности не с рождения, но их родители отсюда. Для сравнения: среди лиц, назвавших себя “только русскими”, коренных жителей оказалось 69%, а среди украинцев — всего 11%.

Еще 40% жителей со смешанной идентичностью не являются автохтонами: 9,8% указали, что проживают в этой местности с рождения, но их родители приезжие, 12,8% прибыли из другого региона РФ, а 17,8% — из другого государства (преимущественно это выходцы с Украины — 14,4%, реже из Казахстана — 2,0%). Среди этнически русских доля приезжих из-за пределов региона и их потомков в первом поколении составляет 31%, а среди украинцев — 89% (Табл. 1).

Таким образом, по степени “укорененности” группа лиц со смешанной идентичностью находится между украинцами (в основном приезжих) и русскими (среди которых преобладают автохтоны). Можно также констатировать, что люди с русско-украинской идентичностью не являются неким однородным сообществом с единым миграционным прошлым. Большую часть (59%) этой группы составляют коренные жители, которые биэтничны по происхождению (их предки принадлежат к разным национальностям) и сохраняют элементы украинской идентичности, воспроизводящиеся за счет тесных контактов с жителями соседних украинских регионов.

Меньшую часть группы (40,4%) составляют мигранты или их потомки в первом поколении. В первую очередь это выходцы из соседних регионов Украины (Харьковской, Сумской, Луганской областей, с которыми непосредственно граничит Белгородская обл.), а также из южной части Воронежской обл., где исторически украинцы составляли большинство населения. Территориальная близость указанных регионов делает выходцев из них приезжими лишь номинально, поскольку “местные жители почти не замечают приезжих украинцев (они не отличаются ни внешне, ни по говору), зато сразу отличают русских, приезжающих с севера России” (*Барин*

Вторую по численности группу приезжих среди лиц с русско-украинской идентичностью составляют “северяне” (чаще всего это выходцы из Тюменской обл., Респ. Коми, Красноярского края, Мурманской обл. и др.). Миграция этой категории жителей — весьма интересное явление, поскольку среди таких приезжих много лиц, не имевших до приезда в Белгородскую обл. каких-либо связей с этим регионом. Выбор ими Белгородчины как места поселения обусловлен близостью Украины, поскольку эти люди изначально являлись трудовыми мигрантами из этой страны. Основную часть своей трудовой жизни они проработали в северных российских регионах, стали гражданами РФ, а после завершения карьеры, дабы не потерять более высокую российскую пенсию (в случае если они вернулись бы жить на Украину), выбрали местом своего поселения Белгородскую обл. с ее неплохими по российским меркам природно-климатическими условиями и близостью к Украине, где у таких людей, как правило, есть родственники, недвижимость и т.д.

Третью по численности группу приезжих среди лиц с русско-украинской идентичностью составляют выходцы из Казахстана (в северных областях Казахстана украинцы с начала XX в. составляли значительную часть населения) и, гораздо реже, стран Средней Азии. Мотивация их к переселению несколько отличается от мотивов “северян”, поскольку казахстанские “русско-украинцы” чаще имеют семейно-родственные контакты на Белгородчине.

Характеристики идентичности русско-украинского населения приграничных территорий Белгородской обл. Основной причиной распространения русско-украинской биэтничности являются смешанные браки. Почти $\frac{2}{3}$ респондентов (64,8%) назвали себя и русскими, и украинцами, поскольку среди их предков были представители обоих этносов. Второй по распространенности причиной смешанной этноидентичности является вариант “я украинец(ка) по происхождению, но живя в России стал(а) в какой-то степени русским(ой)”, который выбрали 26,2%. То есть это люди, не имеющие среди своих ближайших предков русских, но приобретшие элементы русской идентичности в связи с жизнью в России. Соответственно у них русская компонента идентичности имеет скорее не этнический, а гражданский характер, но сами они такого разделения, как правило, не проводят.

Наиболее интересный социологический факт, выявленный в ходе анализа причин появления феномена полиэтничности, заключается в том, что 6,4% опрошенных лиц со смешанной идентичностью являются “русскими по происхождению, но, живя здесь, они стали в какой-то степени украинцами”. То есть ассимиляция социальной средой в Белгородской обл. характерна не только для украинцев по происхождению, которые приобретают элементы русской идентичности, но и для русских, которые, проживая в социокультурной среде, сохраняющей значительные элементы украинской культуры, отчасти заимствуют украинскую идентичность, хотя частота этого явления среди русских по происхождению в четыре раза ниже, чем среди украинцев.

Таким образом, причины распространенности русско-украинской идентичности лежат прежде всего в этнически смешанном происхождении. Однако каждый третий человек, определяющий себя как одновременно русского и украинца, имеет моноэтническое происхождение, но испытывает на себе влияние окружающей социокультурной среды, сочетающей элементы двух культур.

Респондентам со смешанной русско-украинской идентичностью также был задан открытый вопрос (без вариантов ответа): “Если вы знаете национальность своих предков, укажите эту национальность или несколько национальностей”. Отсутствие предложенных вариантов ответа позволило максимально объективно зафиксировать этническую палитру происхождения представителей этой группы.

Полученные ответы были сгруппированы в наиболее часто встречающиеся варианты. Так, 42,0% ответивших на вопрос о национальности своих предков указали,

что среди них были русские и украинцы, 30,0% — только украинцы, 19,8% имеют среди своих прародителей, помимо русских и украинцев, еще и представителей иных этносов (в т.ч. поляков — 4,2%, белорусов — 4,0%). 5,3% опрошенных респондентов со смешанной идентичностью указали, что они имеют только русских предков, а 0,4% — русских и представителей другого этноса (из неназванных выше). То есть каждый семнадцатый респондент с русско-украинской идентичностью вообще не имеет украинцев среди предшествующих поколений своих родственников. Это еще раз свидетельствует, что в этой группе опрошенных встречаются не только люди смешанного происхождения или украинцы, ассимилированные русской средой, но и русские по происхождению, которые, проживая в Белгородской обл., приобрели элементы украинской идентичности.

Большой исследовательский интерес при изучении группы населения со смешанной этноидентичностью представляет информация о том, кем они себя декларируют в официальных документах или при переписях населения, где жители могут указывать лишь одну национальность. Эти сведения позволяют оценить, насколько совпадает внутренняя, более сложная самоидентификация человека и внешняя, выражаемая часто под воздействием обстоятельств или окружения. Логично предположить, что при отсутствии влияния внешней среды среди жителей со смешанной русско-украинской идентичностью число лиц, указывающих на принадлежность к русским или украинцам при переписях населения, должно быть примерно равным.

Однако на практике на вопрос “Принадлежность к какой национальности вы указали во время последней переписи населения или какая национальность указана у вас в документах?” 80,4% опрошенных респондентов со смешанной идентичностью заявили, что они назвали себя русскими, и лишь 14,8% — что украинцами (еще 4,8% затруднились ответить). То есть при необходимости выбора одной национальности при взаимодействии с государством и его институтами основная масса людей со смешанной идентичностью предпочитает выбирать принадлежность к русской национальности, к которой в России относится этническое большинство и которую часто воспринимают как “титულную”. Как пишет С.Я. Суций, «группа “смешанного” населения во время переписи ставится перед жестким выбором одного из двух, по сути, равноценных ответов. И предпочтение, как правило, является конъюнктурным, определяется приводящими обстоятельствами, не имеющими отношения к реальной этнической самоидентификации» (Суций 2017: 66–67).

Вопрос о причинах выбора той или иной единственной национальности при переписях населения или в документах был задан и самим респондентам. Наиболее распространенным ответом стал вариант “среди моих предков было больше представителей этого народа” (44,4%), что соответствует примордиалистской логике определения этноидентичности. Второй по частоте упоминания вариант — “проживая здесь, комфортнее назвать себя представителем этого народа”, — который указала в анкетах почти треть респондентов (29,4%), напротив, показывает инструментальность декларируемой идентичности: она определяется не внутренним самоощущением человека, а уровнем комфорта во внешнем окружении. Еще 6,8% опрошенных предложили свои варианты ответов, общий смысл которых заключается в том, что эти люди определяют свою этничность по документам (паспорт, свидетельство о рождении и т.п.) или по факту проживания в государстве, т.е. опять же их “официальная” идентичность зависит от внешних маркеров.

Отметим также, что при ответе на вопрос о причинах выбора одной “официальной” этноидентичности достаточно большой процент респондентов (11,0%) выбрал вариант “затрудняюсь ответить”, т.е., по всей видимости, данный вопрос не является для них важным (рефлексивным) и указанная ими “национальность” может быть с относительной легкостью изменена на другую, присутствующую в самосознании членов исследуемой группы.

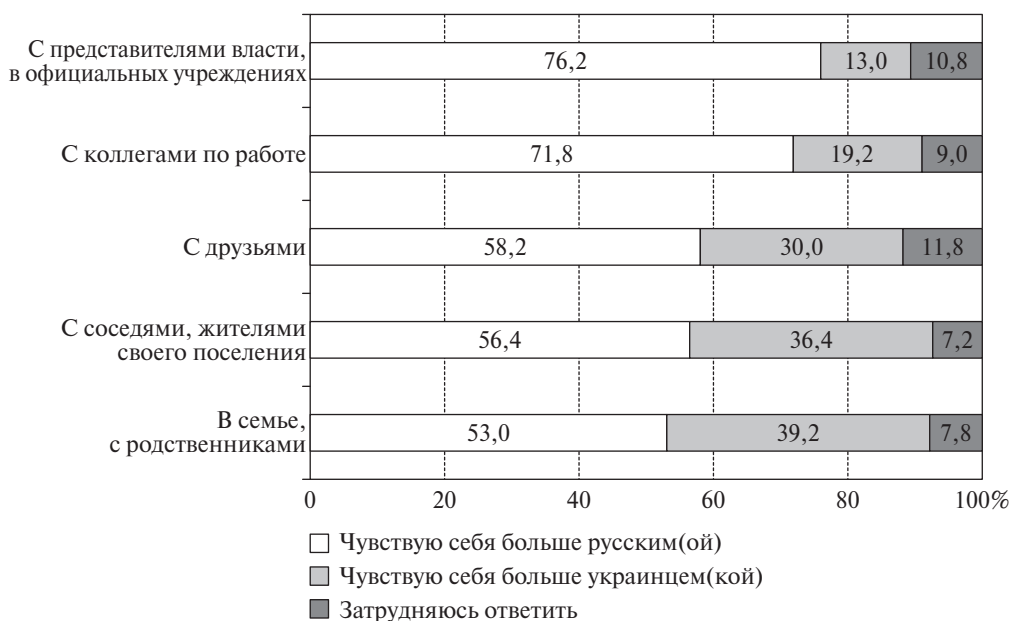

Рис. 3. Ответы респондентов со смешанной русско-украинской идентичностью на вопрос: “В каких ситуациях вы чувствуете себя больше русским/русской, а в каких больше украинцем/украинкой”, %

Следующий блок вопросов анкеты касался различий в проявлении этнической идентичности при взаимодействии с различными контактными аудиториями (от семьи до официальных учреждений). Респондентам было предложено оценить, при взаимодействии с какими аудиториями они чувствуют себя больше русскими, а с какими — больше украинцами. Результаты опроса показывают, что во всех пяти базовых контактных аудиториях превалирует самоощущение респондентов как “русских”, однако соотношение русской и украинской идентичности по отдельным аудиториям сильно различается (Рис. 3).

Чаще всего украинская составляющая идентичности проявляется у респондентов при общении в кругу семьи, с родственниками (у 39,2%), с соседями, жителями своего поселения (36,4%), с друзьями (30,0%). Важно отметить, что второй по распространенности контактной аудиторией, при взаимодействии с которой у респондентов чаще проявляется украинская идентичность, являются “соседи и жители их поселения” (она превышает даже результат по контактной аудитории “друзья”). Этот факт свидетельствует, что помимо семейно-родственной среды украинская идентичность воспроизводится в соседско-земляческих взаимоотношениях, это особенно характерно для сельской местности и малых городов.

Реже всего украинская идентичность проявляется во внешних сферах: при общении с коллегами по работе (только у 19,2%) и при контактах с представителями власти, в официальных учреждениях (13,0%). Соответственно русская идентичность, напротив, чаще проявляется во внешнем круге общения и взаимодействия (Рис. 3).

В целом эти данные достаточно логичны, поскольку официальная сфера в исследуемых районах с 1933 г. связана исключительно с русским языком, а элементы украинской идентичности воспроизводятся только в кругу семьи или при общении жителей отдельных поселений, районов, без поддержки со стороны государственных или местных институтов власти (учреждений образования, культуры и т.п.). Данная

ситуация была зафиксирована еще Л.Н. Чижиковой, которая отмечала: «Важными факторами изменения национального самосознания у лиц украинского происхождения является принятый в школе русский язык обучения, а также язык местного делопроизводства, радиовещания, телепередач и др. <...>. Но в быту — говор украинский, “хохлацкий” и у молодых и у старых» (Чижикова 1988: 52).

Несмотря на сложность смешанной русско-украинской идентичности части населения Белгородской обл., подавляющее большинство опрошенных нами респондентов (69,6%) заявляют, что в течение жизни их оценка собственной национальности не менялась. Лишь 22,2% ответили противоположным образом (еще 8,2% затруднились ответить).

Среди причин изменения этнического самосознания респонденты предложили 87 различных вариантов ответа (данный вопрос в анкете был открытым, без вариантов ответа). Но содержательно ответы во многом повторялись и при анализе итогов опроса были объединены нами в несколько групп.

Наиболее распространенными причинами переоценки собственной этноидентичности являются переезд (29,9%⁷) (в основном из-за пределов Белгородской обл., хотя в отдельных случаях респонденты заявляли об изменении этничности и при внутрирегиональной миграции, например при переезде из украинского села в город) и смена гражданства (16,1%). Каждый пятый респондент (19,5%) дал ответ примерно такого содержания: “живу среди русских, поэтому стал считать себя тоже русским”, т.е. у таких респондентов русское окружение постепенно трансформировало украинскую идентичность. 14,9% ответили: “обучение и работа на русском, как следствие — снижение украинской идентичности”.

Небольшая часть респондентов выразила мнения, смысл которых можно сформулировать так: “в связи с несправедливым отношением к русским возросла русская идентичность” (6,9%); “в связи с несправедливым отношением к украинцам возросла украинская идентичность” (5,8%). Скорее всего, такая переоценка собственной идентичности произошла в связи с событиями 2014 г. и последующих лет. Но основная масса лиц с русско-украинской идентичностью не указала, что на их “национальность” как-либо повлиял кризис в российско-украинских отношениях. Здесь, по всей видимости, играет большую роль прочность родственных и гуманитарных контактов местного населения с жителями Украины. Так, 87,8% наших респондентов сообщили, что у них есть родственники или друзья в соседней стране.

Для оценки структуры этноидентичности смешанного русско-украинского населения исследуемых территорий респондентам было предложено в семи базовых элементах идентичности оценить, в каких из них они чувствуют себя больше русскими, а в каких — украинцами.

Как показывают результаты опроса, русская идентичность чаще проявляется в образе жизни и поведении (у 54,8% опрошенных), в традициях и культуре (53,6%), языке (49,0%), исторической памяти (45,0%) респондентов. Украинская идентичность преобладает в гастрономических предпочтениях (55,6%), а также более выражена в характере и менталитете (39,2%) и особенностях бытовой жизни (37,2%) (Рис. 4).

Примечательно, что наибольшее число затруднившихся оценить этническую принадлежность тех или иных сегментов своей идентичности наблюдается в таких элементах, как “историческая память” (21,2%) и “предпочтения в еде” (20,8%). По всей видимости, данные элементы идентичности в наибольшей степени подвержены взаимному влиянию культур двух народов, что затрудняет их классификацию для респондентов. В целом опрошенные, как правило, не разделяют элементы своей культуры на “русские” и “украинские”, многих только вопрос в анкете заставил задуматься о структуре их идентичности.

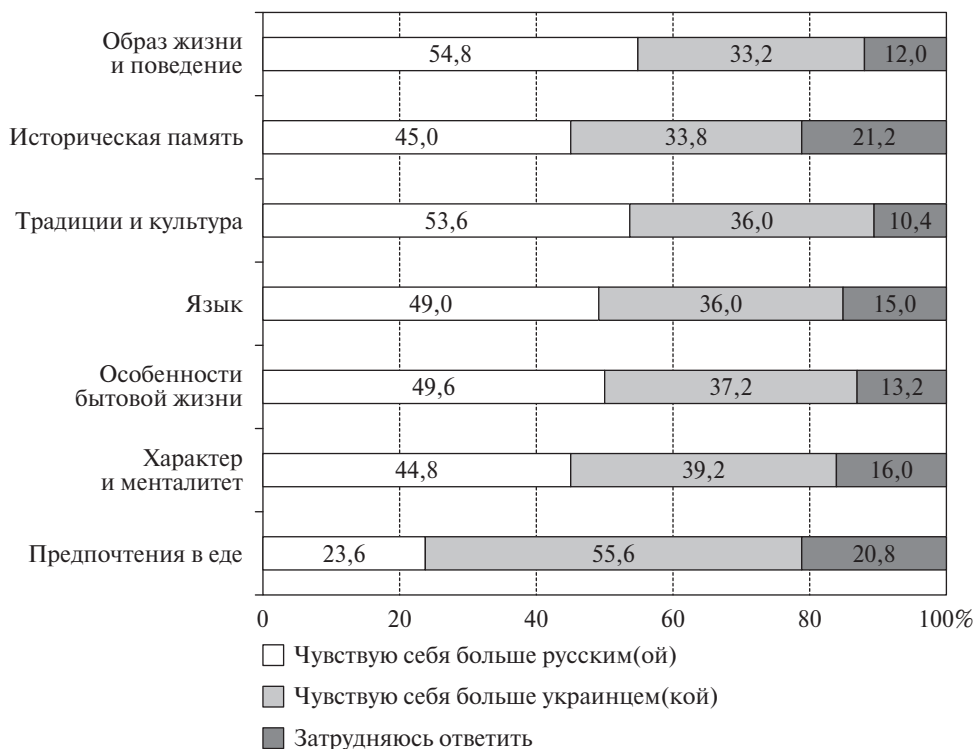

Рис. 4. Ответы респондентов со смешанной русско-украинской идентичностью на вопрос: “Что из нижеперечисленного характеризует вас больше как русского/русскую, а что больше как украинца/украинку”, %

На вопрос “Культура какого народа вам ближе?” 45,2% опрошенных указали: “обоих народов в равной степени”, 35,8% заявили, что русского, 17,4% — украинского. Но нередко традиционные элементы украинской этнокультуры (например, сохранившиеся в сельской глубинке хаты-мазанки, само наименование дома “хата”, широкое распространение традиционных блюд украинской кухни, образцы вышивки, танца и проч.) воспринимаются как “русские”, особенно среди представителей более молодых поколений. Сказывается в целом низкий уровень познаний рядовых жителей в этнической истории края.

Прослеживается культурная трансформация и в лингвистических практиках населения со смешанной русско-украинской идентичностью. Большинство респондентов (65,0%) разговаривает в семье и с близкими людьми на русском языке, почти столько же (62,6%) называют его родным (Табл. 2). Однако отвечая на вопрос “На каком языке или языках говорили ваши предки?”, русский язык указали лишь 20,2%. Обратная динамика наблюдается с украинским языком: 7,2% используют его в семье, 9,8% считают родным, 33,8% заявляют, что на нем говорили их предки. Сокращается и использование смешанного русско-украинского языка (суржика): 31,6% разговаривают на нем в семье, в то время как среди прародителей респондентов его использовали 58,2%. Таким образом, в течение жизни нескольких последних поколений произошло “вытеснение” украинского языка и в меньшей степени суржика из повседневных лингвистических практик жителей региона.

К аналогичным выводам приходит и Т.А. Листова, исследовавшая украинское по происхождению население соседней Воронежской обл.:

Таблица 2

**Ответы респондентов со смешанной русско-украинской идентичностью на вопрос
о родном(ых) языке(ах), языке(ах) общения в семье и языке(ах) предков
(респонденты могли указать несколько вариантов ответа), %**

	Русский	Смешанный русско-украинский	Украинский	Затрудняюсь ответить/иное
Разговаривают в семье	65,0	31,6	7,2	0,6
Родной	62,6	30,4	9,8	1,0
Говорили предки	20,2	58,2	33,8	3,6

Сопоставление воспоминаний жителей разного возраста и их оценка современной языковой ситуации показывает постепенную, но неуклонную русификацию местного наречия. Еще лет 30–40 назад украинская основа языка чувствовалась значительно сильнее, по отзывам переселенцев из русских районов области в разговоре местных для них “практически ничего не было понятно” (Листова 2014: 125).

В группе русско-украинского населения отсутствует общее представление о том, насколько необходимо возрождение украинского языка — хотя бы как предмета изучения в школе. Так, при ответе на вопрос “Хотели бы вы, чтобы ваши дети (внуки), проживая в Белгородской обл., в школе изучали украинский язык” мнения респондентов разделились практически поровну лишь с небольшим преобладанием сторонников изучения, да и то в основном факультативного (8,8% ответили: “да, как один из предметов”, 45,6% — “да, но как факультативный предмет”, 40,4% — “нет”).

Интересно также, что мотивация к изучению украинского языка, как правило, утилитарная. Среди высказавшихся за изучение языка 61,0% указали, что “это язык соседней страны и владение им может быть полезным”, только 25,7% считают, что изучать украинский язык нужно, поскольку он “является одним из традиционных для нашего региона языков”, а 21,1% выразили мнение, что “изучение языка является необходимым для сохранения своей культуры и идентичности”.

* * *

Смешанная русско-украинская идентичность части населения Белгородского региона стала активно формироваться в 1930-е годы, когда резкое изменение принципов национальной политики привело к “политической” ассимиляции украинского населения, которое в подавляющем большинстве стало “записываться” русскими. Тем не менее данная группа автохтонного населения до наших дней сохранила элементы украинской культуры и идентичности. Более того, увеличению относительного числа лиц со смешанной русско-украинской идентичностью способствовали активные миграционные связи с соседними регионами Украины, а также приток мигрантов-“северян” и выходцев из Казахстана, среди которых значительное число составляют лица украинского происхождения.

В настоящее время доля жителей с биэтнической идентичностью, как правило, выше в районах традиционного проживания украинского населения; чаще она встречается у жителей сельской местности, среди женщин, представителей старших поколений. Вместе с этим миграционные процессы способствовали увеличению доли русско-украинского населения и в крупных городах. Около $\frac{2}{3}$ представителей этой группы имеют множественную идентичность вследствие своего “смешанного” происхождения. Однако нередки случаи приобретения полиэтнической идентичности этническими украинцами (около 30%) и даже русскими (6%).

Примечания

¹ В связи со схожестью процессов этногенеза в соседних российских регионах в данной работе мы часто обращаемся к исследованиям, выполненным на территории Воронежской и Курской областей.

² Во второй половине XX в., особенно после распада СССР, этнонимы “москалы” и “хохлы” у населения Белгородской обл. стали в большей степени ассоциироваться со страной проживания и гражданской принадлежностью, а также начали приобретать негативную коннотацию (чего практически не было ранее). Использование термина “хохол” как эндоэтнонима в настоящее время относительно массово сохранилось только у жителей Ровеньского р-на и соседних районов Воронежской обл.

³ Сокращение на 1,6% доли украинского населения и рост русского в период 1897–1926 гг. объясняются не результатом ассимиляции, а небольшим изменением административных границ (которое не представляется возможным учесть в расчетах) вследствие передачи в состав УССР в первой половине 1920-х годов из Воронежской и Курской губерний нескольких сельсоветов с преимущественно украинским населением.

⁴ Исторические источники свидетельствуют, что и до начала 1930-х годов этническая идентичность жителей не была “монолитной”, наблюдались процессы взаимной этнической диффузии, прежде всего в поселениях со смешанным этническим составом. Однако небольшое количество смешанных браков и особенности территориального расселения (наличие районов с подавляющим числом украинцев — в семи районах ЦЧО в 1931 г. они составляли свыше 90%) являлись главными факторами превалирования этнической идентичности над гражданской (которой многие по традиции считали идентичность русскую). Позже на выбор между этнической и гражданской идентичностью стала влиять политика государства. Как считает воронежский исследователь С.А. Филонович, “после отмены украинизации началась массовая смена идентичности: быть русским считалось безопаснее, чем украинцем, поскольку русских нельзя обвинить в национализме. Этот процесс обострился после Великой Отечественной войны. К моменту распада СССР большинство украинцев стали называть себя русскими по политическим соображениям” (Филонович 2019: 142).

⁵ Наполнение этнонимов “русский” и “украинец” не столько этническим, сколько гражданским смыслом особенно усилилось после распада СССР. Так, например, белгородцы (сами часто имеющие украинские корни) называют вынужденных мигрантов с Украины, прибывших в 2014–2015 гг., “украинцами”, несмотря на то что большинство из них являются этническими русскими. В 2015 г. ученые Института социологии РАН зафиксировали в Белгороде типичное мнение украинского мигранта по этому вопросу: “Идет неосознанное деление на МЫ и ОНИ и где признак гражданство, не столько национальность, сколько гражданство. И сколько ты человеку не объясняй, что ты такой же русский, как и он, а он все равно тебя считает украинцем” (Епихина, Черныш 2017: 179).

⁶ Анкета включала 37 вопросов, из которых первые шесть (пол, возраст, длительность проживания, тип поселения, район проживания, национальность) задавались всем респондентам — совершеннолетним постоянным жителям районов, где проводился опрос. Шестой по счету вопрос (“Кем вы себя считаете по национальности?”) был вопросом “отсечения”, т.е. последующие вопросы анкеты (в силу их направленности именно на лиц со смешанной идентичностью) задавались только тем, кто в вопросе о национальности выбрал вариант ответа “и русским(ой), и украинцем(кой) одновременно”. Такая методология позволила выявить долю лиц с русско-украинской идентичностью, их базовые половозрастные и миграционные характеристики.

⁷ От числа указавших на изменение их идентичности в течение жизни.

Источники и материалы

Артемьев 1868 — Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. XX: Курская губерния: по сведениям 1862 года / Обработано ст. ред. А. Артемьевым. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1868.

База микроданных — База микроданных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml (дата обращения: 15.05.2019).

- Всесоюзная перепись 1928 — Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. III. Центрально-черноземный район. Средне-волжский район. Нижне-волжский район. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928.
- Демоскоп Weekly — Демоскоп Weekly. Приложения. Переписи населения Российской Империи, СССР. <http://demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 15.05.2019).
- П-ский 1885 — П-ский Б. Воронежские хохлы // Киевская старина. 1885. Т. XI. С. 613–648.

Научная литература

- Баринов С., Гриценко А., Самсонова А. Образ Украины и особенности местной идентичности населения российско-украинского пограничья // Региональные исследования. 2009. № 3. С. 22–28.
- Высоцкий В.В. Историческая, социально-экономическая и этнокультурная ассимиляция украинского населения Воронежской губернии: начало XIX в. — первая четверть XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, 2012.
- Григорьева Р.А. Идентификация и идентичность на пограничных территориях Брянской, Гомельской и Черниговской областей // Традиционная культура на территории Российско-Белорусского пограничья: историко-этнографический и лингвокультурологический аспекты: Материалы XIV международной научно-практической конференции / Ред. С.Н. Стародубец и др. Брянск: РИО БГУ, 2012. С. 7–24.
- Гриценко А.А., Крылов М.П. Этнокультурный градиент: региональная идентичность и историческая память в соседних районах России и Украины // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 126–140.
- Дроздов К.С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М.: ИРИ РАН, 2016.
- Дудка А.И., Оноприенко И.Г. Этнокультурный синтез в великорусских губерниях юга России в пореформенный период (на примере Курской и Воронежской губерний) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 19 (114). Вып. 20. С. 138–144.
- Курске В.С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев). Дис. ... канд. социол. наук. МГИМО, Москва, 2011.
- Листова Т.А. Воронежские украинцы — русские хохлы // Вестник антропологии. 2014. № 2. С. 116–139.
- Листова Т.А. Была ли смена идентичности? // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 82–85.
- Маховская С.Л. К вопросу идентичности населения Слободской Украины (по материалам свадебной обрядности украинских и русских сел Луганской области) // Трансформация этнической идентичности в России и в Украине в постсоветский период. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 304–313.
- Проскурина Н.В. Русско-украинский симбиоз на территории Воронежской области // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. 2017. № 4. С. 95–99.
- Епихина Ю.Б., Черныш М.Ф. (ред.) Социальные факторы межэтнической напряженности в России. М.: ФНИСЦ РАН, 2017.
- Суций С.Я. История, современность и перспективы украинцев юга России: демографорасселенческий аспект // Народонаселение. 2017. № 3. С. 63–74.
- Тишков В.А., Степанов В.В. (ред.) Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН, 2018.
- Филонович С.А. История заселения Центрального Черноземья в зоне русско-украинских контактов // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С. 135–145.
- Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М.: Наука, 1988.
- Штейн Е.Э. Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. ИЭА РАН, Москва, 2005.

Research Article

Bublikov, V.V. Aspects of Identity of the Russian-Ukrainian Population in the Border Areas of Russia [Osobennosti identichnosti russko-ukrainskogo naseleniia prigranichnykh territorii Rossii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 6, pp. 138–157. <https://doi.org/10.31857/S086954150007772-9> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Vasily V. Bublikov | <http://orcid.org/0000-0001-5899-1028> | v.bublikov@mail.ru | Belgorod National Research University (85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia)

Keywords

multiple ethnic identities, mixed identity, Russian-Ukrainian identity, bi-ethnicity, Belgorod region, Russians, Ukrainians

Abstract

In this article, I take the case of the Belgorod region to discuss the phenomenon of multiple Russian-Ukrainian identities observed among the population of Russian areas bordering Ukraine. The formation of a mixed Russian-Ukrainian identity was the result of assimilation of Ukrainians — or “Khokhly”, as a low colloquial term had it — and subsequent split of their identity into civil (i.e. referring to the country of residence) and ethnic during the period after the 1930s. In the recent decades, the Russian-Ukrainian population of these areas was mainly sustained by interethnic marriages and the influx of migrants. Drawing on the outcome of ethnographic and sociological research that I conducted in 2018, I argue that 23% of residents of Belgorod region’s borderland areas still have a mixed Russian-Ukrainian identity, while the Russian and the Ukrainian constituents of their identity manifest themselves differently in various local groups and among various respondents.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [18-411-310006]
Government of the Belgorod Region

References

- Barinov, S., A. Gritsenko, and A. Samsonova. 2009. Obraz Ukrainy i osobennosti mestnoi identichnosti naseleniia rossiisko-ukrainskogo pogranich'ia [Image of Ukraine and Features of Local Identity of the Russian-Ukrainian Borderland Population]. *Regional'nye issledovaniia* 3: 22–28.
- Chizhikova, L.N. 1988. *Russko-ukrainskoe pogranich'ie: istoriia i sud'by traditsionno-bytovoï kul'tury* [Russian-Ukrainian Borderlands: The History and Fate of the Traditional Everyday Culture]. Moscow: Nauka.
- Drozдов, K.S. 2016. Politika ukrainizatsii v Tsentral'nom Chernozem'ie, 1923–1933 gg. [Ukrainization Policy in the Central Chernozem Region, 1923–1933]. Moscow: IRI RAN.
- Dudka, A.I., and I.G. Onoprienko. 2011. Etnokul'turnyi sintez v velikorusskikh guberniiakh yuga Rossii v poreformennyi period (na primere Kurskoi i Voronezhskoi gubernii) [Ethnic and Cultural Synthesis in Southern Russian Provinces in Post-Reform Period (Evidence from Kursk and Voronezh regions)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia. Politologiya. Ekonomika. Informatika* 19 (114): 138–144.
- Epikhina, Iu.B., and M.F. Chernysh, eds. 2017. *Sotsial'nye faktory mezhetnicheskoi napriazhennosti v Rossii* [Social Factors of Interethnic Tension in Russia]. Moscow: FNISTS RAN.
- Filonovich, S.A. 2019. Istoriia zaseleniia Tsentral'nogo Chernozem'ia v zone russko-ukrainskikh kontaktov [A History of Settling the Central Chernozem Region in the Area of Russian-Ukrainian Contacts]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* 1: 135–145.
- Grigoreva, R.A. 2012. Identifikatsiia i identichnost' na pogranichnykh territoriakh Brianskoi, Gomel'skoi i Chernigovskoi oblastei [Identification and Identity on the Border Territories of Bryansk, Gomel and Chernigov Regions]. In *Traditsionnaia kul'tura na territorii Rossiisko-Belorusskogo pogranich'ia: istoriko-etnograficheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Traditional Culture on

- the Territory of the Russian-Belarusian Borderland: Historical and Ethnographic, Linguistic and Cultural Aspects], edited by S.N. Starodubets et al., 7–24. Briansk: RIO BGU.
- Gritsenko, A.A., and M.P. Krylov. 2012. Etnokul'turnyi gradient: regional'naia identichnost' i istoricheskaiia pamiat' v sosednikh raionakh Rossii i Ukrainy [Ethnocultural Gradient: Regional Identity and Historical Memory in the Neighboring Regions of Russia and Ukraine]. *Kul'turnaia i gumanitarnaia geografiia* 2: 126–140.
- Kurske, V.S. 2011. Mnozhestvennaia etnicheskaiia identichnost': teoreticheskie podkhody i metodologiya issledovaniia (na primere rossiiskikh nemtsev) [Multiple Ethnic Identity: Theoretical Approaches and Research Methodology (Evidence from Russian Germans)]. PhD diss., Moscow State Institute of International Relations.
- Listova, T.A. 2014. Voronezhskie ukrainsy — russkie khokhly [Voronezh Ukrainians — Russian Khokhols]. *Vestnik antropologii* 2: 116–139.
- Listova, T.A. 2016. Byla li smena identichnosti? [Was There a Change of Identity?]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 82–85.
- Makhovskaia, S.L. 2013. K voprosu identichnosti naseleniia Slobodskoi Ukrainy (po materialam svadebnoi obriadnosti ukrainskikh i russkikh sel Luganskoi oblasti) [Revisiting the Identity of the Population of Sloboda Ukraine (Based on the Wedding Rituals of the Ukrainian and Russian Villages of the Lugansk Region)]. In *Transformatsiia etnicheskoi identichnosti v Rossii i v Ukraine v postsovetitskii period* [Transformation of Ethnic Identity in Russia and Ukraine in the Post-Soviet Period], edited by I.A. Snezhkova, 304–313. Moscow: IEA RAN.
- Proskurina, N.V. 2017. Russko-ukrainskii simbioz na territorii Voronezhskoi oblasti [Russian-Ukrainian Symbiosis on the Territory of the Voronezh Region]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Geografiia. Geoekologiya* 4: 95–99.
- Shtein, E.E. 2005. Formirovanie etnicheskoi samoidentifikatsii u potomkov russko-evreiskikh brakov v sovremennoi Rossii [Formation of Ethnic Identity among Descendants of Russian-Jewish Marriages in Modern Russia]. PhD diss., Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
- Sushchii, S.Ia. 2017. Istoriia, sovremennost' i perspektivy ukraintsev yuga Rossii: demograforas-selencheskii aspekt [The History, the Present and the Prospects for the Ukrainians of Southern Russia: Demographic Settlement Aspect]. *Narodonaselenie* 3: 63–74.
- Tishkov, V.A., and V.V. Stepanov, eds. 2018. Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii [Ethnic and Religious Diversity of Russia]. Moscow: IEA RAN.
- Vysotskii, V.V. 2012. Istoricheskaiia, sotsial'no-ekonomicheskaiia i etnokul'turnaia assimiliatsiia ukrainskogo naseleniia Voronezhskoi gubernii: nachalo XIX v. — pervaiia chetvert' XX v. [Historical, Social, Economic and Ethnocultural Assimilation of the Ukrainian Population of the Voronezh Province: The Beginning of the 19th Century — the First Quarter of the 20th Century]. PhD diss. abstract, Voronezh State Pedagogical University.